

Про Василия Буслаевича

I

Жыл-то был Буслав да в Новё-городе,
Да с каменнóй Москвой не спóровал,
С Новым городом не перéцился.
Жыл-то он девеносто годóв,
Жыл-то он да не старилса,
Не старилса да сам преставилса.
Оставалась у Буслава молодá жена,
Молода жена да нынче беременна,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна.
Родила она младóго óтрока,
Да млáдого Василья Буслаевича.
Да стал-то Василий лет пяти-шести,
Отдавала его мать учителю,
Учиться ученье всяко мудроё,
Писать да читать скоро азбуке.
Да то всё ученье скоро в ум пошло,
Скоро в ум пошло, вкоренилосе,
Вкоренилосе Василью, заселилосе.
Да того Василью ученье мало можитце,
Отдавала его да мать то ведь учителю,
Учиться ученье всё-ко хитроё:
По поднебесью летать да ясным соколом,
По чистú полю рыскать да нонь серým волкóм,
Да в землю уходить горносталюшком,
Да в воду ходить да ноньце рыбою,
По воды-то плавать ярым гоголем.
Да то Васе ученье скоро в ум пошлó,
Скоро в ум пошло, вкоренилосе.
Вкоренилосе Василию, заселилосе.
Да того Васе ученье мало можитця,
Отдавала-то его мать ведь учителю
Учиться ученье всё-ко мудроё:
Подхватывать пулецьки свинцовыя,

Уговаривать да свой червленой вяз,
Да то ученье скоро в ум пошло,
Скоро в ум пошло, вкоренилосе,
Вкоренилосе Василью, заселилосе.
Да стал-то Василий лет семнадцати,
Садилса-то он на ременцят стул,
Писал ярлыки да скорописцяты
Ко тем ко татъям ко разбойникам,
Да к тем ведь нонь да не рабочим людя́м.
Да те ярлыки скорописцяты
Розносил по путям по дорожецькам,
Да те ярлыки находили мужики,
Да находили мужики новгородяне,
Находили они да нынче прочитывали:
Да идти-то к Василью на широкий двор
Пить да исть да всё готовоё,
Носить-то у него да платье цветное,
Да пить-то вина да нонь всё безденежно.
(Он, видно, именитой был!)
Многи отказались, и житейцки пошли.
Да сидит-то Василий у окошечка,
Идут-то к Василью уж ведь по́ два вдруг,
Идут-то к Василью по́ три вдруг,
Идут-то к Василью по десятоцку,
Идут-то к Василью по другому вдруг,
Идут-то к Василью по полу́сотни.
Говорит-то тут Василий таково́ слово́:
— Не минутця-то беда́ да привезалась ко двору.
Побежал-то ведь он да во глубо́к погрёб,
Да выкатил боцку зеленá вина,
Выкатил боце́нок пива пьяного,
Выкатил боце́нок мёду сладкого,
Да вылил он да во дубовой чан,
Повесил чару́ да в полтора́ ве́дра.
Да взял-то он свой да червленой вяз,
Да сам говорит да таково́ слово́:
— Да ой еси, удалы добры молодци!
Идите-тко к чану смелёшенько,
Берите чару́ да единой руко́й,

Выпивайте чару да к одному духу,
Становитесь мне под черлёной вяз,
Я которого ударю я в голову,
Тот поди-тко ко мне да в услужение,
Пей и ешь да всё готовоё,
Носи у меня платье цветное,
Пей вина у меня безденежно.

Тут-то вси да испужалисе,
Да все ему ведь да поклонилисе,
Поклонилисе да назад поворотилисе.
Да тут-то Василью за беду сталó,
За велику тут досаду показалосе.
Стал-то он по улице похаживать,
Черленым-то везóm стал помахивать,
Да которого задержит, тот и óкорочь ползёт,
Да пошли ведь тут Василья побранивают,
Побранивают Василья, поругивают:
— Сукин сын Василий, б... сын Василь,
Не упито у тебя не уедено,
В красны-хороши да не ухожёно,
А вековецьное увецье залезёно.
(Руки, ноги сломаны.)

Из той же толпы да молодеческой
Идет-то удалый добрый молодец,
Идёт Фома сын Ременников.
Идёт-то он к чану смелёшенько,
Берёт-то чару единой рукой,
Выпиват-то чару к едному духу
Да становитца к Василью под черленой вяз.
Ударил Василей его в голову —
Стоит-то Фома, да нонь и не шáтьнёться.
Говорит-то Василей таково слово:
— Дородной удалой доброй молодец
Ты Фома уж сын Ременников!
Поди-тко ко мне в услуженьице,
Пей и ешь всё готовоё,
Носи у меня платье цветное,
Да пей ты вина ноньце всё безденёжно.

Из той же толпы молодеческой

Идёт тут Костя-Лостя Новоторщеник,
Идёт он к чану́ он смелёшенько,
Берёт-то чару́ да единой рукой,
Выпиват-то чару́ да к одному́ духу́,
Становитса к Василью под черленой вяз.
Ударил Василий его в голову —
Да стоит-то Костя, не шатыиться,
Кудерци на ём не трёхнутси.
Говорит-то Василий таково́ слово́:
— Дородной удалой доброй молодец,
Ты Костя-Лостя Новоторщеник!
Поди-тко ко мне в услуженьице,
Пей и ешь всё готовое,
Носи у меня платье цветное,
Да пей ты вина ноньце всё безденёжно.

Из той же толпы молодеческой
Идёт-то Потанюша Хроменькой,
Да хроменькой Потаня да нонь коротенькой.
На одну́-то ногу он прихрамыват.
На другу-то ногу́ да он припадывает,
На двух костылях да подпираетци.

Он идёт-то к чану́ смелёшенько,
Берёт чару́ да единой рукой,
Выпиват-то чару́ к одному́ духу́,
Становитса к Василью под черленой вяз.
Говорит-то Василий таково́ слово́:
— Да ой еси ты, Потанюша Хроменькой,
Хроменькой Потаня ты коротенькой!
Да не по ком, Потаня, везом хвосну́ть.

Говорит-то Потаня таково́ слово́.
— Да ой еси, Василий сын Буславьевиц,
Не жалейсе ты моей ведь старости,
Хвосни ты везом со всей ярости!

Не жалелса Василий его старости,
Хвосну́л-то везом со всей ярости —
Стоит-то Потанюша ведь крепче всех.
Говорит-то Василий таково́ слово́:
— Ой еси, удалый доброй молодец,
Поди ты ко мне в услуженьице!

Пей и ешь да всё готовоё,
Носи у меня платье цветное,
Пей у меня вина безденежно.

Из той же толпы молодеческой
Идёт тут девушка чернавушка,
Идёт-то она к чану смелёшенько,
Берёт-то чару́ единой рукой,
Выпиват-то чару́ к одному́ духу́,
Становитса к Василью под черленой вяз.
Ударил Василий ей ведь в голову —
Стоит тут девушка, не шáтьнется,
Да шóлково платиё ей не трёхнется.
Говорит тут Василий да таково́ словó:

— Ой еси, девушка чернавушка,
Поди-тко ко мне в услуженьице!
Пей, ешь всё готовоё,
Носи-тко у меня платье шолково,
Да пей вина ноньце безденёжно.
(У него дружины шестьдесят человек было.)

Во здешном же да Новом городе
Да был тут Викула ведь староста,
Охотник солод собирать и братчину варить.
Васькин солод не берут и Ваську пить не зовут,
Говорит Василий таковы́ слова:
— Ой еси, дружина хоробрая,
Удалы дородны добры молодци,
Пойдёмте к Викулы мы на братчину!

Пошел-то Василий на братчину,
С той со дружиной со хороброй.
Заходит к Викуле на братчину,
Крест-от кладут по-писáному,
Поклоны ведут по-учёному,
Молитву творят полно́.Исусову.
Да место-то они им не дали,
И пива-то они им не по́дали,
Да тем же Василью обесчестили.
Говорит тут Василий таково́ словó:
— Да ой еси, Потанюша Хроменькой,
Да хроменькой Потаня ты коротенькой!

Да пойдѣ же Потаня позади же их.
Откуда они носят зеленѣ вино,
Откуда вѣдь они носят пиво пьяное.

Пошел-то Потаня позади же их,
Вышиб двери посреди двора,
Выкатил боцку зеленá винá,
Выкатил боцѣнок пива пьяного,
Да пили они тут своей рукой.
Перву чару выпил Васька для здоровьиця,
Втору-то чару выпил для весельиця,
Да третью чару для похмельиця.
Да напилса он дѣ хмелю великого,
Да опять вновь он зашел на братчину.
Да тут-то с Викулой он оспоровал,
Ударились с Викулой о велик заклад
Не ѡ сти рублей да не о тысеце,
О своих о буйныи ноньце гѣловах:
Побитьса, подратьця у чуднá крестá,
У чуднá крестá, у живá мостá,
У матушки да реки Вѣлхови,
Викула с Новым городом,
Василий с дружиной со хороброй,
Только одного Вася старца вѣветил,
У которого Василий в ученьи был.

Пришел-то Василий к своей матушке,
Говорит-то он таковѣ словѣ:
— Да ой еси ты, мать да осподарына,
Чесна вдова Амельфа Тимофеѣвна,
Да были вѣдь мы у Викулы на братчины,
Да мѣста они вѣдь нам нѣ дали,
Да пива вѣдь они нам не пѣдали,
Да тем ли они нас обесчестили.
Да пили вѣдь мы ноньце своею рукой.
Перву-то чару выпил я для здоровьидя,
Втору-ту чару выпил я для весельиця,
Да третью чару для похмельиця.
Напилса я дѣ хмелю великого
Да зашел к Викуле вѣдь на братчину.
Да тут-то я с Викулой оспоровал,

Да ударилса с Викулой о велик заклад,
Не о сті рублей и не о тысеци,
О своих о молодецких буйных гóловах:
Я ли со дружиной со хорóброей,
А Викула-то со всим Новым городом
Побиться, подраться у чудна́ крестá,
У чудна́ крестá, у жива́ мостá,
У матушки реки Волхови.

Говорила Васильева ведь матушка:

— Да еку беду вы наделали,
Да еку ту беду напроказили,
Розрушите весь великий заклад!
Ведь из Волхови тебе воды не выпить вся,
А Викулу с Новым городом не выбить всех.
Побежала к Викулы она на братчину,
Да крест-то кладёт по-писа́ному,
Поклоны ведёт да по-учёному,
Молитву творит полно Исусову.
— Ой еси, Викула ты староста,
Што вы с Васильем теперь наделали,
Да еку ту беду напроказили.
Разрушите с Васильем нонь велик заклад!
Ведь в Волхове воды не выпить вся,
А Василья с дружиной не выбить всех.

Вывел Викула вон ей за́ ворота

(Не принял слов.)

Прибежала Васильева матушка,
Уложила Василья в теплу лóжнюцу,
Побежала по кузнечей и по новгороден,
Оковала двери железами,
Повесила замок полтора пуда.
На утре-то было нонь ранéшенько,
На светлóй зори на раноутрянной,
На выкате да солнышка красного
Да бьютця, дёрутця у чудна́ креста,
У чудна́ крестá, у жива́ мостá.
И у матушки да реки Волхови.
Спит-то Василий, не пробудитця,
Черनावушка ведёрушки взяла

Да в Волхов по́ воду пошла,
Коромыслицем махнёт, да тут и улица,
Поворотитса назад, да переулочки лежат,
Да сама ли на го́ру убирайтци,
Да стуцит-то да гремит у окошецька:
— Да ой еси, Василий сын Буслаевич,
Да што ты спишь не пробудишься?
Да бьютса-дерутса у чудна́ крестá,
У чудна́ крестá, у жива́ мостá,
У матушки реки Волхови.

Дружина ведь ноньце вся побивана,
Главы́ кушаками вси завиваны.

Пробуждался Василий от крепкого сну,
Ухватил-то он свой черлений вяз,
В одной-то рубашке нонь без пояса,
В одних-то чулоцках без сапожецек,
Да кинулса он митюго́м в дверí,
Да вышиб двери середí двора
(Никакí оковы не помогли.)

Побежал ведь-то он ко чудну кресту,
Ко чудну кресту, ко живу мосту,
Ко матушки реки Волхови.

Навстрету ему идет Старчищё Мокарчищо,
На головы́ он несёт колоко́л девеносто пудов,
Колокольным езы́ком подпирайтци,
Сам говорит таково́ словó:

— Молодой бобзун, не попорхивай,
Да ты же у меня во ученьи был.

Говорит тут Василий таково́ слово:

— Когда ты меня учил, ты тогда деньги брал,
А я тебе теперь с... не хочу.

Колокольным езы́ком отвёл его среди Волхов-реку,
(Василья-то.)

Обернулса Василий ярым гоголем,
Выплывал-то он на крутой берег.
Ухватил-то он да свой черленой вяз,
Догоняет старчище Макарчищё,
Ударил он его в голову,

Колокол раскололса и голова у старчища расколосась.

Прибежал-то Василий ко чуднѹ крестѹ,
Ко чудну крестѹ, ко живу мостѹ,
Ко матушки реки Волхови,
Да сам говорит таковѹ слово:
— Ой еси, дружина хорѹбрая,
Да удалы дородни, добры молодцы!
Седьте-тко, посидите-тко,
Седьте-тко да отдохните-тко,
Дайте мне упахать плечи могуции,
Сокротить-то мне ретиво серцѹ,
Добраться до Викулы до старосты.

Да стал-то Василий нонь похаживать,
Черленѹм-то везѹм стал помахивать.
В котору сторону махнѹт, да тут и улица,
Поворотитса назад, да переулочки лежат.
Новгородене вси испужалися:
— Всех убьѹт у нас до единого,
Не оставит нас ни единого,
Розорит у нас весь Новгород.
Отбиралась первá толпа молодечьяская,
Пошли-то к Васильевой матушки,
Сами низко поклоняютца:
— Да ой еси, Васильѹва матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеѹвна,
Уйми ты своѹ да дорого цядѹ,
Да млáдого Василия Буславлевиця.
Убьѹт ведь всех нас до единого,
Розорит у нас весь Новгород.

Говорит тут Васильѹва матушка:
— Не смейтесь, мужики новгородяне,
Да спит у меня Василий во темнѹй ложнѹ,
Да спит ведь он да не пробудитца.

Отбираласи вторá толпа,
Пошли-то они к Васильевой матушки,
(Со стороны, что обещала платить на год по три тысячи)
Ещо того ниже поклоняютца:
— Ой еси, Васильева матушка,
Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
Уйми своѹ дорого цядѹ,

Младаго Василя Буслаевця:
Убьёт он нас до одинаго
И розорит у нас весь Новгород.

Отбираласи третья толпа,
Пошли-то они к Васильевой матушки,
Ещо того ниже поклоняютца:

— Ой еси, Васильева матушка,
Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
Уйми своё дорого цядо,

Младаго Василя Буслаевця:
Убьёт он нас до одинаго
И розорит у нас весь Новгород.

Побежала Васильева матушка —
Вышиблены двери середі двора́.
Она голосом крычала — он не слышит нонь,
Она пла́тиком махала — не видит он
(*Вроде сигнала.*)

Побежяла она ко чудну́ кресту,
Ко чудну́ кресту́, ко живу́ мосту́,
Ко матушки к реке Волхови,
Унела свое дорого цядо́,
Младого Василья Буслаевця.

II

(*Второй отдел — «Носад Василя Буслаевича».*)

На ре́ке, на ре́ке, на Во́лхови
Тут плавал-гулял черленный но́сад.
У того ли у носада у лёгкá струга
Да нос и корма по-звериному,
Крутая бедра́ по-лошадиному,
Да хобот мечет по-змеиному.
У того у носада у лёгкá струга́,
Да па́руса были полотнены,
Да бе́цёвки были шо́лковы,
Того де ли шолку белого,
Да белого шолку шемахильского.
Да сделано место хозяйської,
Да сделана кровать слоно́вых костей,

Обита кровать да дорогим сукном,
Покрыта кровать да бѣлым бархатом,
Да два ли самоцветных камешка,
Да две ли лисицы две бурначеських,
Да два ли сибирских соболя.
Да у того ли носада лёкка́ струга,
Флюгер на деревце качаетце,
О свежую воду́ опираетця,
Флюгер из красного золота.
На утри-то было ранѣшенько,
На светлой зори раноутренной,
На выкати солнышка красного
Не бела берёзынька шатаетси
Да сучьям-лисыам до сырой землі,
Стоял тут сын да перед матерью,
Да молодой Василий сын Буславъевиц.
— Ой еси, матушка осподарына,
Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
Дай ты мне благословение великое
Идти-бежать в Ерусалим гóрод,
Да Господу богу помолитисе,
Господней гробнице приложитиси,
К адамовым мощам приклонитиси.
Да дай благословенье ты великое:
Да во здешном во Нове-городе
Да много старѣт, мати, отцѣв-матушок,
Да много вдовѣт, мати, цужых жон,
Да много сиротат, мати, малых детей,
Да всё для меня, мати, для грешного, —
Быват Господь меня во грехах простит.

Говорит его мать да осподарына:
— Ой еси, Василий сын Буславъевич,
Нельзя тебе дать благословеньицѣ
Идти бы бежать в Ерусалим гóрод
Господу богу помолитися,
Господней гробнице приложитиси,
Адамовым мóщам приклонитиси.
Из здешного Нова-города
Много богáтырей хáживало,

Да мало назад да прихаживали,
Да тебе ведь, Василий, не придти будет.

Богатырьско сердце заплывцево,
Не знат сказал слово — 'глупости,
Да не знат сказал слово с мудрости:
— Ой еси ты, мать да осподарына,
Чесна вдова Амельфа Тимофеевна!
Ты сама бы спала, себе видела —
Ото двора отошла и до другого не дошла,
Да тут бы родна матушка преставиласе.
Да ты говоришь, што не придти будёт,
Да дашь благословление — приду же я,
Не дашь благословление — приду же я.
Тебя я уж, мать, не послушаю.

Дала тут ведь благословленьицё
С буйной главы да до рёзвых ног,
Да сама говорит таково слово:
— Да знаю дорогу очень дальнюю,
Да та дорога тихосмирная,
Вперёд идти будет три года,
И назад идти будет три года,
Пройдёт того времени шесть годóв,
Да знаю дорогу премоеждную:
Да вперёд идти будет полгода,
И назад идти будет полгода,
Пройти тому времени будет и год поры.
Есть на дороги розбой большой,
Да есь на дороги караул крепкой,
Да есь на дороги мелки заставы.
(Вот она дала благословление.)

А Василий пошел премым путём.
Как собрался Василий на черлен посад,
Да пошли с той же со дружиной со хороброй же,
С удалыми добрыми молодцами,
По той ли улицы широкой.
Идёт-то Василий, не шатнисьи,
Кудерци на ём не трёхнутси
(Он был молодой, красивой, белой!)
Стары старухи поахивают,

Молоды молодки посматривают,
А красные девицы поглядывают:
— Век мы живали, не видали такого молодца,
Как молода Василия Буслаевича.

— Пришел-то Василий на черлен носад,
Да стал-то Василий по носаду похаживать,
Да стал места всем ведь указывать:
— Да Костя ты Костя Новоторщеник,
Садись-ко ты опеть ноньче на́ корму,
Друга же то дружина о́кол парусов.

Сходни убрали с берегу,
Ототкнули притычины серебряны,
Подгнули па́руса полóтнены,
Пошли рекой Волховой,
(*Волхов реку проехали*)

Вышли в море во Виранское
Виранское море произойдучись,
Вышли они на синё морё,
(*Прежде не знали какие моря.*)

На за́ставах там вопят:
— Ой еси, Василий, сын Буслаевич!
Почему ты идёшь, не привёртываешь,
Проезжей дорожецки не спрашиваешь?

— Да ведь я иду не с товарами,
А я иду со обетами,
Назад ворочусь — вам гостиничка принесу.

Идут оны по синю́ морю.
Синее море произойдучись,
Усье реки Иордан казуетси,
Сороцински горы знаменуетси,
Чудны там кресты́ знаменуютси.
Потенула погода синемóрская,
Рвёт-дерёт да тонки па́русы.
Стал Василий по носаду побегивать,
Стал па́руса сам поправливать,
А носад стоит на одном местí.
Говорит Василий таковó словó.
— Ой еси, дружина хоробрая,
Удалы дородни добры молодци!

Берите щепы́ долгомерныя,
Щупайте вы во синё море,
Мы на ко́шки стоим или на камени,
Не той ли луды́ на подводной.

Брали щепы́ долгомерныя,
Щупали во синем мори,
Не на кошки стоят не на ка́мени,
А стоят-то они на морско́й воды́.
Говорит тут Василий таково́ словó:
— Я иду не с товарами,
А я иду со обетами.
Костя-то Лостя Новоторщеник,
Правь ты под горы Сорочиньския,
Знать крестам сходить помолитися.

Стал Костя править, —
Носад побежал, как сокол полетел.
Спустили па́русы полотнены,
Приткнули притычины серебряны,
Сходни поклали концом на́ берег,
Пошли-то они на круто́й берег.
Идут-то на горы с ча́с поры́,
Идут-то на горы с друго́й поры́,
Идут-то на горы с третьей поры́, —
Не могут дойти до чудных крестов.
Говорит-то Василий таково́ словó:
— Ой еси, дружина хоробрая,
Удалы дородни добры молодцы!
Идём мы на горы с час поры́,
Идём мы на горы с друго́й поры́,
Идём мы на горы с третей поры́,
А не можем дойти до чудных крестов.
Отселе крестам мы помолимся.
Да и все назад поворотимся.

Оттуда крестам богу помолилися,
Все назад поворотилися.
Стал по горам Вася похаживать,
Стал по горам Вася погуливать,
Да нашел голову́ костощёную,
Костощёну голову́ человеческу,

Стал голову́ Вася попинывать,
Левой ногой да в праву ногу́,
А правой ногой да во чисто́ полё,
Сам говорит да таково́ слово́:
— Кака ты лежишь, голова, русска иль неверна?
Русска лежишь — так прихороним тебя,
А неверна лежишь — то хоть погáлимса.

Протащилась голова человеческа
Русским языком человеческим,
Громкой говóрей богатырьской:
— Ты, Вася, меня не попинывай,
Ты, Василий, меня не пошевеливай,
Я ведь голова была не хуже тебя,
Тот же Василий, сын Хлебович
Из того же из Нового города,
Поехал рубить сорочину́ злолукавую,
Та сорочина́ злолукавая
Заслышала побезжку лошадиную,
Заслышала поездку богатырскую,
Подкопы копала глубокия,
Становила по́дрези железныя,
Затенула тенета́ми полотнеными,
Засыпа́ла хрещом мелким ка́меньем.
Меня первый-то подкоп меня бог пронёс,
Второй-то подкоп меня конь пронёс,
А на третьем-то подкопе конь обрю́шился.
Та сорочина злолукавая,
Она-то уж тут была,
Тут она меня и обневолила,
Свезали у меня руки белыя,

Сковали у меня ноги резвыя,
Стали приводить во свою́ веру,
Во свою́ ве́ру, сорочинскую.
Не пошел я в веру сорочинскую,
Отрубили у меня буйну го́лову,
Умею на горах лежать уже тридцеть лет,
Да всё про тебя, Вася, видится,
Да всё про тебя, Вася, грезится,
Да будешь лежать со мной во товарищах.

Тут Василий с головой оспарывал:

— Ты сама говоришь или бес мутит?

— Я сама говорю, а не бес мутит,

И будешь лежать во товарищах.

(Он ушел, она тут осталась.)

Пошел-то Василий на черлен корабль,

Ототкнули притычины серебряны,

Подогнули парусы полотнены,

Пошли-то они по синю морю.

Усье Иордан-реки казуетця,

Сорочински горы знаменуютця,

Чудны там кресты показуютця,

Зашли-то они во Иордан-реку.

(Пришли да сдумали купаться.)

Остановили они свой черлен носад,

Опустили парусы полотнены,

Сдумали в реке они купатися.

Розделса Василий донага,

Стал в воду он купатися,

Безвременно в воды галиться.

Идет тут бабушка старенька,

Сама говорит таковó слово:

— Ой еси, Василий, сын Буславьевич,

Не велел господь в Иордан-реке босому-нагому купатися,

Как попадеш на крутой берег?

Говорит-то Василий таковó слово:

— Сама бы спала, себе видела —

От двора прошла и до другого не дошла,

Тут бы стара бабушка представилась.

(А вот его и отнесло, он и не замог.)

Обернулса Василий ярым гоголем,

Выплывал-то он на крутой берег,

Тут-то дружина его проздравила:

— Здрав ты шел, Василий, со синя моря,

И здрав ты пришел в Ерусалим город.

— Спасибо, дружина, хоть проздравили,

Едва я попал на крутой берег.

Воскресеньску обедню сослужил. Пошел он к обедни, молебен сослужил, господней гробнице, адамовым мощам приложился.

Подогнули пáрусы полотнены,
Пошли-то они во синё морё.
Потенула погода синеморская,
Поровнялися горами Сороцинскими,
Рвёт-дерёт тонки пáрусы —
Носáд стоит на однóм местí.
Стал Василий по носáду побегивать,
Стал парусá он поправливать,
Сам говорит таково́ словó:
— Костя ты Лостя Новоторщеник,
Правь ты под горы Сорочинския:
Вперед-от шел — с головой спóровал,
Дать мне с головой проститися.

Носад подбежал как сокóл пролетел,
Опустили пáрусы полотнены,
Приткнули притыцины серебряны,
Сходни поклáли концом нá берег,
Пошли-то они на крутой берег.
Идут-то на гору с чás поры́,
Идут-то на гору другой поры,
Идут-то на гору третей поры.
Стал Вася по горам похаживать,
Стал по горам голову поискивать,
Не может найти головы человечеськой.
Нашел-то он сер горяць камень,
В вышину-то камень тридцати локóт,
В ширину-то камень сорока локóт,
А в длину-то камень петьдесят локóт.
На камешки подпись подписана,
Подписана подпись подрезана:
— Кто этот камень не перéскачит,
Не бывает во Новом городе.
Стоит-то Василий, призадумалса,
Сам говорит таково́ словó:
— Теперь-то, Потанюша, тебя-то жаль,
(Старик хромой)
Тебе уж камень не перéскачить,
Не бывать тебе в Новом городе.
Стала дружина скакать поперóк камнjá,

А Потанюша скочил — всех лехче перескочил.

Говорит тут Василий таковó словó:

— Скочить не́ скочить вдоль по кáмешку.

Скочил-то Василий вдоль по кáмешку,

Скоцил да лёкко перéскоцил.

Богатырьско сердце заплывциво.

— Кто эту подпись подписывал,

Да кто эту по́дрезь подрезывал?

Да кто этот кáмень не перéскочит?

Я назад петми́ скачу и опять перéскочу!

Скоцил-то Василий назад петми́,

Задел-то он ногой правою,

Пал-то на леву́ руку́,

Обломилась у него рука левая,

Пал на сер горючь каméнь,

Розломил-то себе буйну́ голову́

(Тут и смерть ему приключилась.)

Понесли его на черлен носад

Та ли дружина хорóбрая,

Положили на место на хозяйское.

Подняли парусы полотнены,

Рвёт-дерёт тонки па́русы.

(Пришлось опять на гору отнести.)

Понесли они его назад на гору́,

Несут-то на гору́ с час поры́,

Несут-то на гору другой поры́,

Несут-то на гору третьей поры́.

Принесли, где камень, а там голова, и вместе с ним и похоронили. Тут Василий Буслаевич и кончился на Сорочинской горе. Потом пошли на черлен носад.

Пришли-то они на черлен носад,

Ототкнули притычины серебряны,

Подогнули па́русы полотнены,

Пошли-то они во синё морё.

Носад побежал, как сокóл полетел.

Синее море произойдучись,

Вышли в море во Виранское,

В устье реки Волхови.

Выходила Васильева матушка,
Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
Смотрела в подзорную трубочку, —
Нет Василя на месте на хозяйском.
Та и дружина рóзошлась.

(Записано А.М. Астаховой 30 июля 1928 г. в д. Усть-Низема Лешуконского р-на Архангельской обл. (Мезень) от Максима Григорьевича Антонова, 59 лет)

Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой. М.— Л., 1938.